

вся в процесі ядерної реакції в середині планети Земля, яка призвела до вибуху і викиданню гігантської маси речовини в космос. Консолідувавшись, ця матерія створила М.

Ще в 1972 р. французький фізик Франсіс Перрен в африканському Габоні виявив 15 уранових скупчень, які 1,7 млрд. років тому діяли як природний реактор.

З інтернетівської інформації стало відомо, що під час польоту американської експедиції на кораблі “Аполлон-13” до М. в квітні 1970 року третя ступень була викинута від корабля і впала на поверхню планети, це викликало гудіння (коливання) її поверхні на глибину 40 км. Коливання тривало три з половиною години.

На думку спеціалістів НАСА, М. вів себе як величезний пустотілий об’єкт (дзвін). Треба сказати, що через технічні неполадки висадка астронавтів на М. тоді не відбулася. Корабель лише облетів його і, завдяки мужності і кмітливості екіпажу, зміг благополучно повернутися на Землю.

Глибинна залежність Космосу і Сонячної системи, Землі й М., людини, і людства в цілому – наслідок космічної еволюції, започаткованої Творцем, зміна якої – ним і визначається [16, с. 10]. Фізичний стан М. ще не раз принесе сюрпризи офіційній науці.

Список використаних джерел

1. Універсальний словник-енциклопедія. Редакція М. Поповича. – К. : Ірина, 1999.
2. История философии. Ред. Г. Ф. Александрова и др. – М. : Политиздат при ЦКВКП (б), 1940. – Т. I.
3. Сравнительные жизнеописания. В 3 томах. – М., 1961–1964.
4. Подольська С. А., Лихвар В. Д., та ін. Кредитно-модульний курс культурології. – К., 2006.
5. Блаженный Августин. Исповедь. – М. : Ренессанс, 1991.
6. Кант И. “Прологомены...” // Собрание сочинений : в 6 т. – М. : Мысль, 1965. – Т. 4., 4., 1.
7. Гончаренко Н. В. Гений в искусстве и науке. – М., 1991.
8. Сокульский А. Л. Культурология. Словник-довідник. – Запоріжжя: Класичний приватний університет, 2006.
9. Правдивцев В. “Луна: иная реальность”, DIVx5,45 мм.
10. Прянишников В. И. Занимательная астрономия в школе. Пособие для учителей. – М. : “Наука”, 1972.
11. Куликов К. А., Гуревич В. Б. Основы лунной астрономии. – М. : Наука, 1972.
12. Філінов С. М. Всесвіт, Земля, Життя. – К. : Наукова думка, 1977.
13. ВПВ. – № 10., 2012.
14. ВПВ. – № 11., 2010.
15. ВПВ. – № 4., 2012.
16. Павленко Ю. Микола Чмихов і світоглядне підґрунтя його космоархеологічної концепції. Передмова / Ю. Павленко // Чмихов М. Від яйця-раїця до ідеї Спасителя. – К. : Либідь, 2001.
17. [http://bigrefs.ru\(02\)ref.php?](http://bigrefs.ru(02)ref.php?)

References

1. Universal'nyj slovnyk-encyklopedija. Redakcija M. Popovycha. – K. : Iryna, 1999.
2. Istorija filosofii. Red. G. F. Aleksandrova i dr. – M. : Politizdat pri SKVKP (b), 1940. – T. I.
3. Sravnitel'nye zhizneopisanija. V 3 tomah. – M., 1961–1964.
4. Podol's'ka Je. A., Lyhvar V. D., ta in. Kredytно-modul'nyj kurs kul'turologii'. – K., 2006.
5. Blazhennyj Avgustin. Ispoved'. – M. : Rennans, 1991.
6. Kant I. “Prolegomeny...” // Sbranie sochinenij : v 6 t. – M. : Mysl', 1965. – T. 4., 4., 1.
7. Goncharenko N. V. Genij v iskusstve i nauke. – M., 1991.
8. Sokul's'kyj A. L. Kul'turologija. Slovnyk-dovidnyk. – Zapozrizhzhja : Klyasychnyj pryvatnyj universytet, 2006.
9. Pravdivcev V. “Luna: inaja real'nost'”, DIVx5,45 мм.
10. Prjanishnikov V. I. Zanimatel'naja astronomija v shkole. Poso-

bie dlja uchitelej. – M. : “Nauka”, 1972.

11. Kulikov K. A., Gurevich V. B. Osnovy lunnoj astronomii. – M. : Nauka, 1972.

12. Filinov Je.M. Vsesvit, Zemlja, Zhytjtja. – K. : Naukova dumka, 1977.

13. VPV. – № 10., 2012.

14. VPV. – № 11., 2010.

15. VPV. – № 4., 2012.

16. Pavlenko Ju. Mykola Chmyhov i svitogljadne pidg'runtja joho kosmoarheologichnoi' koncepcii'. Peredmova / Ju.Pavlenko // Chmyhov M. Vid jajca-rajeja do idei' Spasytelja. – K. : Lybid', 2001.

17. [http://bigrefs.ru\(02\)ref.php?](http://bigrefs.ru(02)ref.php?)

Сокульский А. Л., кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Национальный заповедник “Хортица” (Украина, Запорожье), Sevgen@i.ua

Селена: иная реальность

Луна – спутник Земли, регулирует большинство ее процессов. Какова физическая реальность планеты – задача будущей науки.

Ключевые слова: Селена, Солнце, Вселенная, время, пространство.

Sokulsky A. L., Ph.D., Associate Professor, Senior Researcher, National Reserve “Khorhtysya” (Ukraine, Zaporozhye), Sevgen@i.ua

Selene: another reality

The Moon is a satellite of the Earth that controls the majority of its processes. What is the physical reality of the Moon? That is the object of future science.

Keywords: Selene, Earth, Sun, Universe, time, space.

* * *

УДК 930.1:94(477) “1657/1687”(045)

Тарасов С. В.,

кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических дисциплин, Мариупольский государственный университет (Украина, Мариуполь), degterenko777@ukr.net

РОЛЬ УКРАИНСКОГО ДУХОВЕНСТВА В СОБЫТИЯХ РУИНЫ В РУССКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Анализируется роль сыгранная украинским духовенством, в событиях Руины. Делается вывод об её объективной оценке русской дореволюционной историографии. Акцентируется внимание, на раскол в украинском духовенстве, и на приверженность белого духовенства промосковской политической ориентации, отмеченные российской историографией. Отмечается особое политическое влияние украинского духовенства в период правления гетмана Д. Многогребенного.

Ключевые слова: Руина, “Малороссийская смута”, украинское духовенство, Киевская митрополия, Московский патриархат, украинское казачье государство, Гетманщина, борьба партий, автономия, инкорпорация, русская историография.

(статья друкється мовою оригіналу)

Руина является очень важным периодом в истории украинского общества и украинского казачьего государства. Тогдашние события определили историческую судьбу Украины, на несколько веков вперед тогдашние события определили историческую судьбу Украины, на несколько веков вперед. Изучение исторического опыта Руины является важным в научном и практическом отношении. События Руины, имевшие судьбоносный характер, изучались и изучаются украинскими историками.

Следует заметить, что параллельно с украинской развивалась и российская историография, которая так же проявляла интерес к украинской истории эпохи Руины. Это проявилось в работах С. Соловьева, Г. Карпова, В.Эйнгорна, В. Ключевского, Д. Иловайского, М. Покровского, И. Рознефельда и др. Представляется

небезынтересным выяснить, что именно было сделано представителями русской исторической науки в деле изучения процессов Руины.

Большинство русских историков видели в процессах Руины (“Малороссийской смуты” как они её называли) борьбу между различными классами и сословиями украинского общества. Это было вполне в духе исторической науки XIX в. Подход российских наследователей к проблеме мы можем назвать “социологическим”. В ту эпоху украинское духовенство, безусловно, должно было сыграть важную роль в политической жизни. Потому духовенство Гетманщины и его политическая деятельность привлекли престольное внимание со стороны русской исторической науки. К тому же политическая деятельность этого общественного слоя была неплохой иллюстрацией концепции, предложенной русской историографией. Соловьёв и его последователи считали, что в Украине шла борьба двух партий (старшинской и народной). При этом, старшинская партия имела пропольскую, а народная – промосковскую политическую ориентацию.

Российские историки подчёркивали активную роль духовенства в тогдашней политической жизни и приверженность белого духовенства московской политической ориентации.

Раскол в украинском духовенстве русские историки связывали с борьбой двух партий “шляхетской” и “народной”. По их мнению, высшее украинское духовенство, происходившее из шляхты, поддерживало сторонников Польши, белое духовенство, связанное тысячами нитей с народными массами, видело в царе заступника от произвола шляхты и стояло за союз с Россией. Так считали с. Соловьёв, Г. Карпов, Е. Замысловский, митрополит Макарий, В.Эйнгорн, Д. Иловайский [11, с. 105; 4, с. 16; 2, с. 364; 6, с. 267–269; 16, с. 96–97; 3, с. 200]. При этом митрополит Макарий отмечал, что не все высшее духовенство поддержало И. Выговского [6, с. 269].

Инициатором свержения И. Выговского, по С. Соловьёву, стал полковник Т. Цюцюра (Цицюра, Цецура), который возглавил антигетманское движение, начавшееся на Левобережье. Казачество испытывало ненависть к полякам. Потому неудивительно, что казаки стали перебегать к Ю. Хмельницкому [12, с. 53]. С. Соловьёв подробно описывал возвращение войска запорожского “под государеву руку”. Он считал, что заслуга этого возвращения принадлежала “восточной стороне” Украины. Такой же мысли в этом вопросе придерживался и Н. Голицын [1, с. 214]. Так же считали В.Эйнгорн и Д. Иловайский [16, с. 135; 3, с. 205]. Но при этом они особо обращали внимание на заслуги белого духовенства. Если, по С. Соловьёву, инициатива исходила непосредственно от Т. Цецюры, то по В.Эйнгорну, заслуга принадлежала нежинскому протопопу М. Филимоновичу (Филимонову) [16, с. 135]. Именно он сумел благодаря своей энергии убедить Нежинский полк и город Нежин снова присягнуть царю. А это было немало, так как, по данным историка, был самым значительным, по числу жителей, городом Украины, а население Нежинского полка равнялось шестой части населения тогдашней Украины [16, с. 134]. Среди представителей казацкой старшины говорили, что инициатива в

“добром деле” принадлежала белому духовенству и, главным образом, нежинскому протопопу [16, с. 142].

Так же как М. Филимонович, по словам В. Эйнгорна, были настроены почти все представители белого духовенства. Исключения – редкость. Историк приводил случаи помощи духовных лиц русскому войску и представителям царской администрации. Вплоть до курьезного случая, когда зеньковский поп Григорий участвовал в обороне Зенькова и, если верить источнику, (Акты ЮЗР. т. IV. № 110, стр. 208) собственноручно убил более 60–ти человек. Исследователь сопроводил это сообщение вопросительным и восклицательным знаками в скобках. Священник обращался непосредственно к “великому государю” за разрешением по-прежнему служить в своей церкви, так как, после содеянного, не смел служить без архиерейского благословения [16, с. 125–126].

Ученик С. Соловьёва Г. Карпов, развивая мысль своего учителя, посвятил епископу Мефодию целую монографию. Г. Карпов писал, что в тот период, казачество казалось московскому правительству “вообще несостоятельным, чтобы руководить делами своей страны” [5, с. 13]. Предшествовавшая система воеводского управления была, по словам историка, более действенной. Однако в самой Украине она не пользовалась популярностью. И потому, хотя правительство не вполне отказалось от воевод, оно стало выискивать альтернативные способы проводить свою политику. Тогда Москва отдала Войско Запорожское со всей Украиной под контроль духовенства, во главе которого был поставлен человек во всем зависящий от царского правительства [5, с. 13–14]. И таким человеком стал епископ Мефодий (бывший нежинский протопоп М. Филимонов). При этом Мефодий был направлен не в качестве какого-нибудь тайного соглядатая. Напротив, как заметил исследователь, всем кому следовало, было приказано советоваться с блюстителем митрополии [5, с. 13].

Историк отмечал так же, что у епископа не было никакой реальной власти. Все его полномочия заключались в том, что он должен был принимать участия в делах всевозможного рода. Кроме того, он был обязан осуществлять посредничество между партиями и мирить ссорящихся. Как заметил исследователь, никакой власти, заставить старшину с ним считаться архиерей не имел [5, с. 13].

Наконец, Мефодий был поставлен в епископы в Москве, митрополитом Питиримом, что являлось нарушением церковных канонов. Этим воспользовались враги нового епископа. В первую очередь, Дионисий Балабан [5, с. 54–56].

Москва, по словам историка, надеялась, что бывший нежинский протопоп станет ей верным агентом, из чувства благодарности. Мефодий, со своей стороны был убежден в поддержке московского правительства, так как оно само навязало его Украине, нарушив при этом некоторые церковные порядки. Но все расчеты не оправдались. В Украине, на что обратил внимание ученый, быстро заметили, что политической властью епископ не обладает, а когда он прибегнул к помощи правительства, следствием стало недовольство старшины вмешательством духовенства в ее дела [5, с. 18].

Г. Карпов считал, что план Москвы имел существенные недостатки. “...Не успели еще хорошенько раз-

взяться со своим собственным Никоном, а уже спешили создавать точно такого же для Малоросии”, – писал историк [5, с. 15]. Во–первых, неизвестно было, стала бы или нет, войсковая старшина сносить власть епископа. Во–вторых, кто мог поручиться, что сам Мефодий не станет зачинщиком какой–нибудь новой смуты. Ученый считал, что московские государственные люди совсем не задумывались над подобного рода вопросами [5, с. 15–16].

Выше указывалось, что Мефодий был возведен в епископский сан с нарушением церковных канонів. Дионисий Балабан и Юрий. Хмельницкий сумели упротисить Константинопольского патриарха наложить проклятия на “Мефодия и сообщающихся с ним” [5, с. 56]. Сам епископ Мефодий говорил, что это проклятие произвело много смущения между киевским духовенством и мирянами. Но Г. Карпов думал, что это утверждение несколько преувеличено. Историк полагал, что само проклятие не могло стать причиной смуты, но многочисленные враги бывшего нежинского протопопа, могли использовать, при случае, это обстоятельство, в своей борьбе против него [5, с. 60].

Кроме того, в числе врагов Мефодия, оказались не только сторонники Я. Сомко, которого епископ не поддерживал, но и черное киевское духовенство [5, с. 60]. Однако И. Гизель “с товарищи” и прежде проклятия, наложенного на нового блюстителя митрополии знали каноны, запрещающие признавать епископский сан у подобных лиц. Знали, однако, принимали этого не канонического епископа, как замечал историк. Они признавали его, во–первых, из–за его хороших отношений с царем; во–вторых, “на том основании, что при нем будет им жить хорошо” [5, с. 65]. Во втором случае, недовольство духовенства, как считал исследователь, было ни на чем не основано. Мефодий был совсем не похож на Никона, он и после Нежинской рады не только не сместил, но и защитил своих недавних врагов [5, с. 65].

На тот факт, что Мефодий был назначен епископом незаконно, обратил внимание и митрополит Макарий. Он отметил, что вскоре после того, как нежинский протопоп стал епископом, Дионисий Балабан рукоположил, пользуясь своим правом, на ту же самую епархию своего епископа, архимандрита Иосифа Нелюбовича–Тукальского. Это, как заметил историк, должно было служить для всех и для самого Мефодия, постоянным напоминанием, что рукоположен и называется епископом мстиславским незаконно [6, с. 279]. Мало того, в начале 1662 г. патриарх Никон подверг анафеме крутицкого митрополита Питирима за то, что он поставил епископа в чужую церковную область, которая подчинялась Константинопольскому патриарху. Эта анафема, как отметил ученый, автоматически низлагала и Питирима и рукоположенного им Мефодия. Однако в Москве ей не придали значения, так как Никон, к тому времени, фактически отрекся от патриаршества [6, с. 279–280].

Гораздо большей опасностью, по мнению исследователя, была для Мефодия, анафема, которая была направлена непосредственно в его адрес и исходившая от Константинопольского патриарха [6, с. 281]. Митрополит Макарий считал, что в Москве об этом церковном проклятии узнали едва ли не раньше, чем в Гетманшине [6, с. 281]. И Москва начала действовать. Историк счи-

тал что, Константинопольский патриарх снял проклятие с Мефодия, по личному царскому ходатайству. Доказательство этому исследователь видел в том, что киевское духовенство, враждовавшее против мстиславского епископа, через некоторое время, стало снова общаться с ним и признало его епископом [6, с. 282].

По мнению Г. Карпова, вражда И. Брюховецкого и духовенства началась с его ссоры с епископом Мефодием. Причина ссоры гетмана с епископом, по предположению исследователя, заключалась в том, что для И. Брюховецкого, после прихода к власти “становилась тяжела Мефодиева опека” [5, с. 104].

По словам И. Розенфельда, гетман желал нанести удар духовенству и даже предложил царскому правительству прислать митрополита из Москвы [9, с. 90–104].

Во время похода короля Яна Казимира на Левобережье представители белого украинского духовенства вновь показали, на что они способны. Переломным моментом королевского похода стала осада Глухова. Оборону этого города, как отмечал В.Эйнгорн, а затем Д. Иловайский возглавили тамошние священники, с протопопом И. Шматковским во главе [14, с. 6–7; 3, с. 226]. При этом жители Глухова, по утверждению В.Эйнгорна, были склонны к “шатости”, но И. Шматковский сумел убедить их оборонять город [14, с. 6–7].

Говоря о восстании И. Брюховецкого, С. Соловьев, Г. Карпов, П. Матвеев, В.Эйнгорн, Д. Иловайский обратили внимание на подстрекательскую роль епископа Мефодия [10, с. 8; 12, с. 351–352; 5, с. 156–157; 7, с. 58; 8, с. 236; 15, с. 99; 3, с. 240]. До сих пор Мефодий, верно служил Москве. Однако теперь он решительно порвал с ней. Г. Карпов, посвятивший епископу специальную монографию, считал, что обстоятельства, толкнувшие его на измену, были чисто личного характера. Постепенно Мефодий начал разочаровываться в правительстве, которому он служил. Причина этого заключалась, по словам историка, в том что вместо своих планов Мефодию приходилось исполнять правительственные, “иногда для него весьма неприятные”, которые к тому же часто менялись “то в ту, то в другую сторону” [5, с. 154]. С этим епископ еще мог бы смириться, но иногда ему приходилось выполнять поручения которые историк назвал “положительно неисполнимыми” для Мефодия [5, с. 154]. При этом о его личном самолюбии в Москве почти никогда не задумывались. По словам исследователя, епископу откровенно показывали, что смотрят на него, как на купленного правительством человека, “для которого поворот в другую сторону немислим” [5, с. 154]. Верхом таких личных оскорблений Г. Карпов считал приказ примириться с гетманом [5, с. 154]. Вернувшись из Москвы на родину, епископ, кроме того, узнал о переговорах царского правительства с Правобережной Украиной. Но, по словам ученого, из этих переговоров Мефодий мог извлечь для себя только тот вывод, что в Москве не ценят ни его заслуг, ни преданности, а кроме того “не прочь посадить ему на шею Тукальского” [5, с. 155].

Историк признавал, что московское правительство довольно бесцеремонно обращалось со своими агентами. Что касается И. Брюховецкого, то он очутился в ситуации, похожей на ту в которой оказался Мефодий. Для гетмана приказ о примирении с епископом был

оскорбительным, а переговоры Москвы с Чигириным были для него опасны [5, с. 156]. В Гадяче епископ и гетман, забыв, по словам историка, “прежние благодеяния к себе правительства и помня только недавние обиды”, примирились, для того чтобы уничтожить московскую власть в Украине [5, с. 156]. Г. Карпов считал, что Мефодий подтолкнул И. Брюховецкого к восстанию, тем, что смутил его своим толкованием условий Андрусовского договора. Затем он “может быть только в форме предположения но высказал мысль”, что московское и варшавское правительство примирились для того, чтобы объединить свои усилия для уничтожения украинского казачества [5, с. 157]. Исследователь подчеркивал, что агитация епископа Мефодия не была тайной для царской администрации. Воеводы посылали к нему стрелецкого голову И. Лопатникова с увещеваниями, но безуспешно [5, с. 161–164].

Д. Иловайский считал возвращение Левобережья под российский протекторат событием закономерным. Он писал даже о “неудержимом тяготении” Левобережной Украины к Московскому государству [3, с. 224]. После ухода П. Дорошенко на Правобережье в Левобережной Украине началось движение в пользу Москвы, которое возглавлялось белым духовенством и мещанами. Тягости от московских воевод и ратных людей казались мещанам, по словам Д. Иловайского, менее обременительными “сравнительно с насилиями и хищничеством казацкой старшины и полковников” [3, с. 223]. Белое духовенство не сочувствовало стремлениям высшей иерархии, по своим интересам примыкавшей к казацкой старшине [3, с. 223]. Хотя исследователь не особенно акцентировал на этом внимание, из его изложения видно, что он видел в событиях 1668–1669 гг. повторение событий 1659 и 1663 годов, с той разницей, что место неженского протопопа Максима Филимоновича занял неженский протопоп Семен Адамович [3, с. 205, 217, 243].

С. Соловьев, а за ним П. Матвеев и Д. Иловайский обратили внимание на роль, которую при этом сыграло белое духовенство и, в первую очередь, протопоп С. Адамович, сообщивший правительству, что основная масса народа Украины не требует вывода московских воевод [10, с. 12–14; 7, с. 59; 3, с. 244]. По словам П. Матвеева, именно по этой причине Москва решила провести “черную раду”, что дало ей возможность нейтрализовать старшину [7, с. 8]. Он отмечал так же, что основная борьба на Глуховской раде развернулась не между Д. Многогрешным и Г. Ромодановским, людьми простодушными и неграмотными, а между “стоявшими за ними искусными дипломатами” Л. Барановичем и А. Матвеевым [7, с. 7].

В. Эйнгорн в своем труде, обратил внимание на роль, которую сыграло духовенство в годы гетманства Д. Многогрешного. Силой обстоятельств занявший пост гетмана Д. Многогрешный не обладал необходимыми качествами, потому гетман постоянно подчинялся влиянию различных духовных лиц [16, с. 786]. Не считая себя способным вести переговоры с Москвой самостоятельно, он перепоручал это представителям духовенства. Так он сам, по мнению исследователя, подал Малороссийскому приказу мысль подчинить гетмана руководству кого-либо из преданных Москве иереев [16, с. 787]. Быть посредником между царем и гетманом, как

заметил историк, было очень выгодно, так как такой посредник получал награды от обеих сторон. Многие представители духовенства стали, по сути дела, агентами Москвы, руководившимися ее инструкциями и имевшими “тайных и явных помощников” [16, с. 787].

По словам В.Эйнгорна, в начале гетманства Д. Многогрешного, его руководителем был Л. Баранович. Он не был назначен Москвой, а действовал скорее, по собственному желанию. В Москве вряд ли были довольны постоянными жалобами архиепископа на нарушения Глуховских статей. Потому, хотя Л. Баранович удостоился царской похвалы, Малороссийский приказ, по словам историка, при первом удобном случае поручил наблюдать за гетманом и руководить им Семену Адамовичу, который был более покладистым. При этом “архиепископу вовсе не дали заметить, что деятельностью его недовольны” [16, с. 786]. На Л. Барановича была возложена миссия сбора сведений о внутреннем положении Украины, а на И. Гизеля о положении в Польше и Турции [16, с. 786]. Исследователь подчеркивал, что Москва хорошо запомнила, чем обернулась бережливость в отношении Мефодия и потому теперь не жалела подачек и старалась ни в коем случае не оскорблять представителей украинского духовенства [16, с. 786–787].

Постепенно влияние духовенства возросло до такой степени, что как указывал историк, стало вызывать раздражение и у правящего класса и у основной массы населения. Но И. Самойлович, сменивший Д. Многогрешного, очень скоро понял, что может обходиться и без посредников в сношениях с Москвой. После этого, как указывал исследователь, духовенство лишилось того исключительного положения, которое имело при Д. Многогрешном [16, с. 792–793].

Одним из важнейших событий гетманства с. Самойловича стал переход Киевской митрополии в состав московского патриархата. с. Соловьев, А. Брикнер и Д. Иловайский указывали, что формальная сторона была улажена при активном содействии турецких властей, которые в тот момент были заинтересованы сохранить мирные отношения с Россией [13, с. 377–378; 3, с. 512]. Все названные историки отмечали активную роль, которую сыграл в этом событии И. Самойлович [13, с. 373–376; 3, с. 511–512]. Д. Иловайский утверждал, что переподчинение Киевской митрополии прошло “Мирно и беспрепятственно” [3, с. 512]. Он несколько упростила ситуацию.

По словам И. Розенфельда, Москва для исполнения своего плана воспользовалась борьбой гетмана с духовенством. Духовенство боялось лишиться своих прав и вольностей. Потому Москве пришлось в той ситуации столкнуться с сильнейшей оппозицией духовенства [9, с. 97–98]. Исследователь обращал внимание на то, что хотя вольности духовенства были официально подтверждены, условия, на которых Киевская митрополия согласилась присоединиться к Московской патриархии, стали сразу же нарушаться [9, с. 98]. Важнейшим следствием реформы 1685 г. ученый считал лишение духовенства его политической роли [9, с. 99].

Необходимо отметить, что указанная проблема не получила в русской историографии такого освещения на которое можно было бы надеяться. Так как до момента переподчинения Киевской митрополии не были до-

ведены ни труд митрополита Макария, ни серия статей Г. Карпова о Киевской митрополии. Монография В.Эйнгорна также почти не касается этого вопроса, так как он находится за ее хронологическим рамками.

В.Эйнгорн писал, что хотя украинское духовенство всячески противилось присоединению Киевской метрополии к Московскому патриархату, деятельность отдельных его представителей, выполнявших поручения московского правительства, привели в конце царствования Алексея Михайловича к тому, что почти номинальная зависимость Киевской метрополии от константинопольского патриарха, которая и раньше была почти номинальной, фактически перестала существовать. В Москве велись некоторые дела, касавшиеся украинской церкви. В Москве был поставлен один украинский епископ, другой возведен в сан архиепископа, в Москве велась цензура церковных книг, написанных в Киеве, киевское духовенство поддерживало связи с московским патриархом. “При таких условиях уже недалеко было и до формального подчинения Киевской метрополии Московскому патриархату...” – заметил историк [16, с. 1028]. Исследователь обратил внимание на то обстоятельство, что когда закончилось царствование Алексея Михайловича, сношения украинского духовенства с московским правительством стали очень редкими, переподчинение Киевской метрополии все же произошло. Это случилось “в конце первого десятилетия после кончины Алексея Михайловича по почину московского правительства и при содействии гетмана, хотя Малороссийское духовенство весьма недвусмысленно отказалось взять на себя почин в деле изъятия киевской метрополии из-под благословения константинопольского патриарха” [16, с. 1028].

Подводя итог сказанному, необходимо отметить важность роли, сыгранной украинским духовенством в событиях Руины. В период “смуты” представители этого сословия имели значительный общественный вес, и потому что пользовались в казацком государстве безусловным авторитетом, и потому что в тогдашнем обществе они выделялись своим образованием и политической опытностью, а некоторые показали себя талантливыми политическими агитаторами. Но в процессе утраты Украиной автономии в период её инкорпорации Российским государством, духовенство неизбежно должно было лишиться своего политического влияния. Работы российских историков иллюстрируют этот процесс довольно объективно.

Список использованных источников

1. Голицын Н. С. Всеобщая военная история новых времен / Н. С. Голицын. – СПб., 1878. – Ч. 1–2. – Отд. 1. – 279 с.
2. Замысловский Е. Е. Лекции по русской истории, говоренные доцентом Санкт–Петербургского Императорского университета Егором Егоровичем Замысловским в 1877–8 учебн. году / Е. Е. Замысловский. [Напис. от руки. Литографировано]. – СПб., [1878]. – 400 с.
3. Иловайский Д. И. История России. Отец Петра Великого: Алексей Михайлович и его ближайшие преемники / Д. И. Иловайский. – М. : Чарли, 1996. – 624 с.
4. Карпов Г. Ф. Киевская митрополия и московское правительство во время соединения Малороссии с Великою Россией. 1654–1661 гг. – Статья вторая: Дионисий Балабан митрополит Киевский / Г. Ф. Карпов. – М., 1874. – 45 с.
5. Карпов Г. Ф. Киевская митрополия и московское правительство во время соединения Малороссии с Великою Россией. – Статья третья: Мефодий Филимонович. Епископ Мстиславский и Оршанский, блюститель Киевской митрополии (1661–1668 года) / Г. Ф. Карпов. – М., 1876. – 200 с.

6. Макарий (Булгаков) митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви / М. П. Булгаков. – М. : Издательство Спасо–Преображенского Волоколамского монастыря, 1996. – Кн. VII. – Т. 12. – 672 с.

7. Матвеев П. Артамон Сергеевич Матвеев в приказе Малой России и его отношение к делам и людям этого края / П. Матвеев // Русская мысль. – 1901. – Август. – С. 1–23; – Сентябрь. – С. 46–75.

8. Матвеев П. Москва и Малороссия в управление Ордина–Нашокина Малороссийским приказом / П. Матвеев // Русский архив. – 1901. – Кн. 1. – С. 219–242.

9. Розенфельд И. Б. Присоединение Малороссии к России (1654–1793): [Историко–юридический очерк] / И. Б. Розенфельд. – Пг.: Издание Петроградского Политехнического института Императора Петра Великого, 1915. – 192 с.

10. Соловьев С. М. Лазарь Баранович. Из истории Южно–Русской митрополии / С. М. Соловьев. – М., 1862. – 15 с.

11. Соловьев С. М. Лекции по русской истории ор. пр. С. Соловьева 1867/8 года / С. М. Соловьев. – 292 с.

12. Соловьев С. М. Сочинения в 18 кн. / С. М. Соловьев / [Отв. ред. : И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев]. – М. : Мысль, 1990. – Кн. VI. – Т. 11–12. История России с древнейших времен. – 671 с.

13. Соловьев С. М. Сочинения в 18 кн. / С. М. Соловьев / [Отв. ред. : И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев]. – М. : Мысль, 1990. – Кн. VII. – Т. 13–14. История России с древнейших времен. – 701 с.

14. Эйнгорн В. Иван Андреевич Шматковский протопоп глумовский и его сношения с московским правительством. 1653–1673 гг. Страничка из истории малорусского духовенства / В. О. Эйнгорн. – К., 1892. – 19 с.

15. Эйнгорн В. Отставка А. Л. Ордина–Нашокина и его отношение к малороссийскому вопросу / В. О. Эйнгорн // Журнал Министерства народного просвещения. – 1897. – Ч. XXXIV. – Ноябрь. – Отд. 2. – С. 118–169.

16. Эйнгорн В. Очерки из истории Малороссии в XVII в. Сношения малороссийского духовенства с московским правительством в царствование Алексея Михайловича / В. О. Эйнгорн. – М., 1899. – 1104 с.

References

1. Golicyn N.S. Vseobshaya voennaya istoria novih vemyon / N. S. Golicyn. – SPb., 1878. – Ch. 1–2. – Otd. 1. – 297 s.
2. Zamylovskiy E.E. Lekcii po russkoy istorii, govorenne docentom Sankt–Peterburgskogo Imperatorskogo universiteta Egorom Egorovichem Zamylovskim v 1877–8 uchebn. godu / E. E. Zamylovskiy. [Napis. ot ruki. Litografirovano]. – SPb., [1878]. – 400 s.
3. Ilovayskiy D. I. Otec Petra Velicogo: Aleksey Michalovich i ego bliжайshie preemniki / D. I. Ilovayskiy. – M. : Charli, 1996. – 624 s.
4. Karpov G. F. Kievskaya mitropoliya i moskovskoe pravitelstvo vo vremya soedineniya Malorossii s Velikoyu Rossiey. 1654–1661 gg. – Stsya vtoraya: Dionisiy Balaban mitropolit Kievskiy / G. F. Karpov. – M., 1874. – 45 s.
5. Karpov G. F. Kievskaya mitropoliya i moskovskoe pravitelstvo vo vremya soedineniya Malorossii s Velikoyu Rossiey. – Stsya tretaya: Mefodiy Filimonovich. Episkop Mstislavskiy i Orshanskiy, blustitel Kievskoy mitropolii (1661–1668 goda) / G. F. Karpov. – M., 1876. – 200 s.
6. Makariy (Bulgakov) mitropolit Moskovskiy i Kolomenskiy. Istoriya Russkoy cerkvi / M. P. Bulgakov. – M. : Izdatelstvo Spaso–Preobrajenskogo Volokolamskogo monastirya, 1996. – Kn. VII. – T. 12. – 672 s.
7. Matveev P. Artamon Sergeevich Matveev v Prikaze Maloy Rossii i ego otnoshenie k delam i ludyam etogo kraya / P. Matveev // Russkaya misl. – 1901. – Avgust. S. 1–23; Sentyabr. – S. 46–76.
8. Matveev P. Moskva i Malorossiya v upravlenie Ordina–Nashokina Malorossiyskim prikazom / P. Matveev // Russkiy arhiv. – Kn. 1. – S. 219–242.
9. Rozenfeld I.B. Prisoedinenie Malorossii k Rossii (1654–1793): [Istoriko–yridicheskiy ochrk] / I. B. Rozenfeld. – Pg.: Izdanie Petrogradskogo Politehnicheskogo instituta Imperatora Petra Velicogo, 1915. – 192 s.
10. Solovev S. M. Lasar Baranovich. Iz istorii Yujno–Russkoy mitropolii / S. M. Solovev. – M., 1862. – 15 s.
11. Solovev S. M. Lekcii po russkoy istorii or. pr. Soloveva 1876/8 goda / S. M. Solovev. – 292 s.
12. Solovev S. M. Sochinenia v 18 kn. / S. M. Solovev [Otv. red.: I. D. Kovalchenko, S.S. Dmitriev]. – M. : Misl, 1990. – Kn. VI. –

T. 11–12. – Istoriya Rossii s drevneqshih vremen. – 671 s.

13. Solov'ev S. M. Sochineniia v 18 kn. / S. M. Solov'ev [Otv. red.: I. D. Kovalchenko, S. S. Dmitriev]. – M.: Misl, 1990. – Kn. VII. – T. 13–14. – Istoriya Rossii s drevneqshih vremen. – 701 s.

14. Eyn'gorn V. Ivan Andreevich Shmatkovskiy protopop gluhvskiy i ego snosheniia s moskovskim pravitel'stvom. 1653–1676 gg. Stranichka iz istorii malorusskogo duhovenstva / V. O. Eyn'gorn. – K., 1892. – 19 s.

15. Eyn'gorn V. Otstavka Ordina–Nashokina i ego otnosheniie k malorossiyskomu voprosu / V. O. Eyn'gorn. // Jrnal Ministerstva narodnogo prosvesheniia. – 1897. – Ch. CCCXIV. – Noyabr. – Otd. 2. – S. 118–169.

16. Eyn'gorn V. Oherki iz istorii Malorossii v XVII v. Snosheniia malorossiyskogo duhovenstva s moskovskim pravitel'stvom v carstvovanii Alekseyf Michalovicha / V. O. Eyn'gorn. – M., 1899. – 1104 s.

Тарасов С. В., кандидат історичних наук, доцент кафедри історичних дисциплін, Маріупольський державний університет (Україна, Маріуполь), degterenko777@ukr.net

Роль українського духовенства в подіях Руїни в російській дореволюційній історіографії

Аналізується роль, яка була зіграна українським духовенством, у подіях Руїни. Робиться висновок про її об'єктивну оцінку російською дореволюційною історіографією. Акцентується увага на розкол в українському духовенстві та на прихильність білого духовенства промосковської політичної орієнтації, що були відзначені російською історіографією. Зазначається особливе політичне вплив українського духовенства в період правління гетьмана Д. Многогрішного.

Ключові слова: Руїна, "Малоросійська смута", українське духовенство, Київська митрополія, Московській патріархат, українська козацька держава, Гетьманщина, боротьба партій, автономія, інкорпорація, російська історіографія.

Tarasov S. V., Candidate of sciences (Histori), Associate Professor of Historical Disciplines Chair, Mariupol state University (Ukraine, Mariupol), degterenko777@ukr.net

A role of the Ukrainian clergy is in the events of Ruin in Russian pre-revolution historiography

The role played by the Ukrainian clergy in Ruina events is analyzed. Ruina is very important period in the history of Ukrainian society and Ukrainian Cossack state. The events of that time determined the historical fortune of Ukraine some centuries in advance. The research of the historical experience of Ruina is important both in scientific and practical connection. In that period the Ukrainian clergy, certainly, had to play an important role in political life. That's why the clergy of Getmanshina and its political work caused a great interest from the direction of pre-revolutionary Russian historical science. Among the Russian historians that topic was developed by S. Soloviev, G. Carпов, metropolitan Macariy (Bulgacov), E. Zamyslovskiy, P. Matveev, D. Il'ovayskiy, V. Eyn'gorn, I. Rosenfeld.

In the period of "smuta" the representatives of that class had a significant social influence because of the authority in the Cossack state and in the society of that time they were notable for their education and political proficiency, and some represented themselves as talented political agitators. But in the process of autonomy loss of Ukraine in the period of her incorporation by Russia, the clergy had to be definitely deprived of its political influence. The works of Russian historians illustrate that process rather evenly.

Keywords: Ruina, "Malorossiyskaya smuta", the Ukrainian clergy, Kiev archdiocese, Moscow patriarchy, the Ukrainian Cossack state, Getmanshina, parties struggle, autonomy, incorporation, Russian historiography.

* * *

УДК930.8(477)

Ткаченко І. В.

кандидат історичних наук, доцент кафедри культурології, Інститут філософської освіти і науки Національного педагогічного університету ім. М. П. Драгоманова (Україна, Київ), vladimir1303@yandex.ru

ДО ПИТАННЯ ПРО СИСТЕМУ КУЛЬТУРНОЇ СПАДЩИНИ УКРАЇНИ

Розглядається культурна спадщина України як структурний елемент загальнолюдської системи культурної спадщини. Підкреслюється, що існуючий у сучасній науці підхід, який відштовхується "від реальної дійсності", часом є необґрунтованим, оскільки аналіз роліової участі, значення та впливу культурної спадщини на історико-культурний розвиток нації має носити системний підхід, а культурну спадщину доцільно розглядати як єдину, цілісну динамічну систему.

Ключові слова: культура України, історія культури України, культурний спадок України, система культурних цінностей України.

Конституція України у ст. 54 проголошує, що культурна спадщина нашого народу охороняється державою, що забезпечує збереження історичних пам'яток та інших об'єктів, які становлять культурну цінність [1]. Наявність саме цієї норми в Основному Законі нашої держави є повністю обґрунтованою, оскільки національна культура українського народу через її самобутність є невід'ємною складовою світової культури. Культура нашого народу своїм корінням сягає в сиву давнину, коли й було закладено підвалини нашого сталого культурного розвитку. Тут покажемо є навіть той факт, що нині лише на державному обліку перебуває 152 тис. пам'яток культурно-історичної спадщини, з яких 56 тис. – пам'ятки історії, 7 тис. – пам'ятки монументального мистецтва, близько 15 тис. – пам'ятки містобудування та архітектури [2].

У той же час, у теоретичному та науково-практичному аспектах, об'єктивно наявною є недостатність розробки проблемних питань сприйняття культурної спадщини українського народу, саме як цілісної системи. Це, на наше переконання, обумовлено відсутністю належного визначення на науковому рівні основних факторів впливу в контексті сучасного стану трансформації культури та сприйняття культурної спадщини українського народу як єдиної, цілісної історико-культурологічної системи.

Актуальність теми дослідження безпосередньо обумовлена об'єктивно наявною позитивною тенденцією до збільшення зацікавленості значного прошарку національно свідомого корінного населення нашої держави до культурної спадщини українського народу та його роліової функції у світовому культурному спадкові. Культурна спадщина народу є найважливішою частиною його культури, її корінням, базисом, фундаментом. Нажаль, сприйняття нашої культурної спадщини через певні соціальні, економічні та політичні чинники постійно трансформується, а її значення, як це не прикро констатувати, постійно нівелюється через штучний політично заангажовані підходи певних суб'єктів політичного протистояння у державі.

Досить часто сьогодні, як і протягом усієї радянської доби, об'єкти культурної спадщини, незалежно від їхньої реальної цінності, набувають певного політичного підтексту, залежно від політичної кон'юнктури. Це призводить до зміни оцінки (переважно у тимчасовому сприйнятті народу) їх історико-культурного значення, їхньої цінності для нації, що вочевидь є неприпустимим. Залежно від політичних уподобань, що тимчасово превалюють у суспільстві в цілому чи у певних його прошарках, конкретні об'єкти культурної спадщини набувають позитивного або негативного сприйняття. І хоча таке сприйняття у подальшому, як правило, зазнає суттєвих змін, самі культурні цінності, що належать до культурної спадщини народу, теж зазнають штучних трансформацій, а в багатьох випадках і непоправних втрат. Отже, вочевидь, виникає негайна потребав збереженні культурної спадщини українського народу як єдиної, самобутньої, взаємопов'язаної системи, яка є однією із базових підсистем світової культурної спадщини.